

ПОВСТАНЧЕСКИЕ СТАНИЦЫ В ВЕРХНЕМ ПОВОЛЖЬЕ В НАЧАЛЕ XVIII ВЕКА

В первом десятилетии XVIII в. центральные уезды России стали ареной острых классовых боев. Основной массе населения страны — крестьянам и ремесленному люду жилось плохо. К прежним повинностям прибавились новые тяготы, связанные с Северной войной, крупным строительством и с рядом преобразований, что требовало больших расходов. Борьба крестьян приобрела ярко выраженный антикрепостнический характер. Одним из руководителей этой борьбы в Верхнем Поволжье и был Гаврила Иванович Старцев¹. По происхождению он крестьянский сын, родом из дер. Старцево Нижегородского уезда².

Еще в конце XVII в. Г. И. Старцев являлся атаманом большой крестьянской «станции», которая получила широкую известность в Верхнем Поволжье. Правда, об этом периоде жизни Г. И. Старцева существует единственное, но весьма красноречивое свидетельство: показание в Преображенском приказе нижегородского крестьянина А. Леонтьева, осужденного в 1700 г. за «непристойные слова» в «высочайший адрес» и утверждавшего, что «Старченко, не сголько ходя крови пролил и душ погубил, что он, государь (Петр I. — О. Р.), на Руси крови пролил и душ погубил»³. Очевидно, эта известность помогла в будущем Г. И. Старцеву стать одним из руководителей крестьянского движения.

В начале 1706 г. его «станцию» разбили каратели, сам атаман и «есаул» Г. Ковырзанов были схвачены и отправлены в нижегородскую тюрьму. Отсюда Старцеву через свою сестру, которая была замужем за нижегородцем А. Банковым, удалось собрать остатки «станции» под команду однодворца Андрея Сеченого. Последнего

уведомили о времени доставки колодников в Москву, в Преображенский приказ. По пути следования у нижегородской деревни Бунково Старцев и Ковырзанов были «отбиты из-под караулу». После «отбоя» вожаков отряд, состоявший из крестьян кн. Лобановых, деревень Жиряки и Зубово Городецкой волости, ушел в керженские леса под Ветлугу «И разбивали на сухом пути в селах и деревнях по дорогам, и на плавной Волге-реке многих розных чинов людей», — показывал на допросе схваченный в 1707 г. карателями Ковырзанов. Он сообщил, что в 1707 г. численность их отряда сильно возросла, чему способствовало то обстоятельство, что керженские леса издавна служили прибежищем всех воинствующих противников существующего строя и господствующей церкви. Из местных крестьян был образован еще ряд больших отрядов во главе с ближайшими соратниками Г. И. Старцева — А. Сеченым, Г. Ковырзановым, Гр. Боровиковым, А. Банковым и другими. Сам Старцев нередко осуществлял руководство их совместными операциями.

Летом 1707 г. отряды Старцева совершили нападение на г. Унжу, где разорили воеводский двор и приказную избу со всеми документами. Тогда же «был бой у него, Старченка, с катунскими приказными людьми», которые были обращены в бегство. К концу года повстанцы взяли под контроль «водный путь» по Верхней Волге, Оке, Шексне, Мологе, уничтожили свыше 10 стругов с «государевыми припасами». «По суху» были совершены нападения на вотчины кн. Ф. Ю. Ромодановского, стольника И. Матюшкина, Макарьева и Юрьевоцкого монастырей и др. «А ездили де они на те воровства з знамены и з барабаны, а знамены и барабаны, которые у них были, взяли они на стругах разбоем»⁴, —

¹ В официальных документах и в советской исторической литературе он известен как Старченко.

² ЦГАДА, ф. 371, оп. 1, д. 522, л. 1.

³ Н. Б. Голикова. Политические процессы при Петре I. М. 1957, стр. 179.

⁴ ЦГАДА, ф. 371, оп. 1, д. 522, лл. 1—4; Отдел рукописных фондов Института истории СССР АН СССР, ф. А, оп. 1, д. 87а, лл. 90—94 (далее — ОРФ ИИ АН СССР).

доносил в Преображенский приказ нижегородский воевода И. Леонтьев. Из донесения видно, что в отрядах Старцева было значительное число беглых солдат, даже из Преображенского полка, а также рекрутов и донских казаков. По-видимому, под их влиянием в отрядах Старцева и его соратников делались попытки ввести некоторые элементы организованности, позаимствованные у казачьих и регулярных войск. Царским указом воеводам верхневолжских уездов было велено «его, Ганку Старченка с товарищи всякими сыски сыскивать накрепко и учинить заказ под страхом смертной казни, а кто поймает и приведет, обещать ему великого государя жалованьем деньгами числа не малого и повышение чину»⁵.

В начале 1708 г. казанский комендант И. Кудрявцев писал в Ближнюю канцелярию о том, что «Гаврюшка Старченок с товарищи во многих местах стоят великим скопом», «а по Волге и Оке чинятца многие разбои». «О подписях воровских мелом о бунте и что у тех воровских подписей поставили караул»⁶ сообщал тогда и новый нижегородский воевода Н. Кутузов. Из донесения воевод явствует, что обстановка во многих центральных городах была беспокойной. Возможно, действия крестьянских отрядов оказывали активизирующее влияние на часть посадского населения. Однако данных, свидетельствующих о существовании активной агитации и посылке в города «подстрекателей к бунту» из числа участников вооруженной борьбы, нами не обнаружено. Немаловажным является и тот факт, что во всех больших городах Центральной России были крупные «рекрутские станции», к тому же через эти города часто вели к месту военных действий во время Северной войны готовые воинские формирования, которые могли быть использованы местной администрацией при угрозе открытого восстания. Это явилось одним из решающих обстоятельств, оказавших влияние на ход классовой борь-

бы в центре России в первом десятилетии XVIII века. Кроме того, в августе 1708 г. в помощь верхневолжским воеводам был направлен полк регулярных войск полковника Гр. Елчанинова⁷. Но и крестьянские отряды в 1708—1709 гг. значительно расширили сферу своих действий. В августе 1708 г. отряды Старцева нападали на поместья, «в другоряд» ворвались в Унжу, захватили денежную казну, бумаги, выпустили заключенных⁸.

Балахонский, юрьев-повольский и нижегородский воеводы вновь извещали «о разбоях по Оке и Волге и на сухом пути меж Балахны и Юрьевцом-Повольским», «о умножении воровства в Нижегородском уезде», «меж которыми атоманом Ганко Старченок». Балахонские земских дел бургомистры писали в ратушу: «В прошлом 707 и в нынешнем 708 годах в зимнее время и по разлитие вешней воды, и в лете на Волге реке на низ меж Балахною и Нижним и ниже Нижнего, и вверх по той же реке Волге меж Балахны и Юрьевцом-Повольским, и выше по обе стороны, и сухим путем на помещиковых и вотченниковых и монастырских землях стоят воры и разбойники многими станицами... со многим ружьем. И ездят в лотках и стругах, и на лошадях. И лотки останавливают, и грабят многих торговых людей»⁹. Из Гороховецкого, Галичского уездов приходили донесения о том, что к ним «пришли и живут воровские люди Гаврюшка Старченок и Гаврюшка Ефремов с товарищи с ружьем, с пищальми и пистолеты, и с копыи, и с луками, и с шпагами»¹⁰.

Унженский воевода Н. Сатин 28 сентября 1708 г. писал в Ближнюю канцелярию о нападениях «разбойников» на поместья галичских дворян: «И ныне у них стоят в Ветлухской волости и чинят многие разорения и убивства. Да они же, воры, хвалятца: Мы де разорили город Унжу, не токмо де вашу волость»¹¹. Крестьянин Юрьев-Повольского уезда Родион Васильев, схваченный карателями с оружием в руках, при

⁵ ЦГАДА, ф. 371, оп. 1, д. 522, лл. 5—6; ОРФПИ АН СССР, ф. А, оп. 1, д. 87а, лл. 95—96.

⁶ ЦГАДА, ф. 9, оп. 1, д. 18, ч. 1, лл. 167 об.—168; В. И. Лебедев. Крестьянское движение в метрополии в годы Булавинского восстания. «Труды» Историко-археологического института. Т. XII: Булавинское восстание. М. 1935, стр. 61. «Подписи воровские мелом о бунте» были сделаны на городских воротах Нижнего Новгорода.

⁷ ЦГАДА, ф. 210, Разрядная вязка (Р. в.) 46, д. 80, лл. 12—13.

⁸ Там же, ф. 9, оп. 1, д. 18, ч. 1, лл. 168—168 об.; В. И. Лебедев. Указ. соч., стр. 63.

⁹ ЦГАДА, ф. 9, оп. 1, д. 18, ч. 1, лл. 168 об.—169; ч. 5, лл. 266 об.—267 об., 270—271; В. И. Лебедев. Указ. соч., стр. 62.

¹⁰ ЦГАДА, ф. 9, оп. 1, д. 18, ч. 5, лл. 288—289; ч. 1, лл. 171—171 об.

¹¹ Там же, ч. 5, л. 288.

допросе в Преображенском приказе, из которого вскоре бежал, показал: «Вор Ганка Старченко ходя у них по деревням многолюдством с ружьем чинит многие разбои, разоренье и смертные убивства. А в тех же их юрьеveckих волостях во многих селех и деревнях их братья, многие крестьяня, держат у себя в домах ружья, винтовки. А есть ли многолюдством по того вора послать служилых людей, и его взять будет не мочно, для того, что он (Старцев.— О. Р.) тое посылку послыша, товарищев своих всех станет держать с собою. А в сборе с ним, сказывает, их же братья крестьяня, все с ружьем и ружья де у них множество»¹². О подобном положении в Нижегородском уезде извещал Монастырский приказ староста слободы Васильевой Федор Абрамов. Нижегородский воевода И. Леонтьев просил прислать регулярные войска, так как крестьянские отряды появились всего в трех верстах от города, и «вор Ганка Старченко... ходит со знамены и з барабаны, и он казнит и четвертует и приказывает, что будет в Нижнем и распустит тюрьмы»¹³.

Приведенные документы позволяют с достаточной степенью вероятности утверждать, что часть населения центральных уездов не только сочувствовала, но и помогала повстанцам, в которых она видела своих защитников. Карательные отряды или терпели поражения, или не могли обнаружить «воров»; население уведомляло повстанцев о прибытии правительственных войск. Более того, ряд фактов свидетельствует о том, что местные крестьяне, вооружившись, периодически образовывали «отряды самообороны», собраться которым не стоило больших усилий. Затем они незаметно расходились, так как села часто располагались в двух-трех верстах друг от друга. Эти отряды действовали «воопче» с отрядами Старцева и другими, быстро перемещавшимися из уезда в уезд и служившими ядром для создания других крестьянских отрядов во многих центральных уездах страны. Члены отряда Старцева становились во главе местных вооруженных отрядов и старались внести в их действия элементы организаций. Такая тактика партизанской борьбы помогала повстан-

цам порою одерживать верх над отдельными карательными командами, но оказалась неэффективной против крупных сил регулярной армии, посланных сюда летом 1709 года.

В 1708—1710 гг. ареной активного действия отрядов Старцева явились Костромской, Кинешемский и Галичский уезды. Местные помещики слали десятки челобитных в центральные правительственные органы, прося защитить их «от всеконечного разорения» и «смертного убивства». Интересна коллективная «заручная» челобитная костромских дворян, которые писали в 1710 г.: «Вор и разбойник Гаврюшка Старченко в прошлых годах (1708 г.— О. Р.) явился в Костромском уезде великим собранием человек по сту и больше, и чинит нам великое конечное разорение разбоем своим и много чинит смертное убивство, разстреливает ис фузей. И многие помещики и вотченики и з домашними своими от страху разбоия тово вора, Гаврила Старченка, выехали в город Кострому ис домишек своих и живем в городе. Просим вашего величества, вели, государь, для сыску тово вышеявленново вора и розбойника, Гаврилы Старченка с товарищи, послать с Москвы афицера с салдаты». Подобные же «заручные» коллективные челобитные на имя царя «подали и кинешемские, и галичские дворяне»¹⁴. Анализ этих данных приводит к таким выводам: подобные документы, во-первых, могли появиться только из районов, где резко обострились классовые конфликты, решавшиеся с помощью оружия; во-вторых, действия крестьянских «станец», которые большинство дореволюционных авторов представляло как грабеж в прямом смысле слова, являлись специфической формой классовой борьбы.

В феврале 1710 г. в верхневолжские уезды была послана карательная команда капитана кн. Г. Вяземского «в 60 солдат» «да в прибавку к ним, солдатом, велено с ним быть костромичам полковые службы, городовым дворяном и детем боярским пятидесяти человеком с боевым ружьем»¹⁵. Пока каратели продвигались к Костроме, крестьянские отряды продолжали набегн на поместья и вотчины. «Ездит он (Г. Старцев.— О. Р.) в Костромском уезде днем и

¹² Там же, ф. 371, оп. 1, д. 515, л. 23.

¹³ Там же, ф. 237, оп. 1, ч. 2, д. 2604, лл. 1—4 об.; ф. 9, оп. 1, д. 18, ч. 5, лл. 284—284 об.; ф. 210, Р. в. 53, д. 462, лл. 1318—1325; д. 463, лл. 1326—1328 об.

¹⁴ Там же, ф. 210, Р. в. 56, д. 9, лл. 5—6, 29—29 об., 35—36, 42—43.

¹⁵ Там же, ф. 371, оп. 1, д. 617, лл. 7—8 об., 37—38, 44—45. Такие же указы были посланы галицкому и кинешемскому воеводам (лл. 39—42).

ночью со многими товарищами своими ис беглых салдат нарядным делом и розбивает многие помещиковы и вотчениковы дома и побивает многих людей до смерти. Так же в тех домех, где грабит, похваляетца быть для грабежу в граде Костроме», — писал в Разрядный приказ с нескрываемою тревогой воевода Б. Воейков-Большой. В апреле 1710 г. солдаты Вяземского начали операции против повстанцев, но результаты оказались ничтожными. Капитан доносил в Москву, что «костромские земских дел бургомистры и уездные люди подвод и водою судов и работников, так же к тому делу бумаги и чернил, и свеч, и на колотников чепей и желез не дают. И в том розыскному делу чинится остановка»¹⁶. Как видно, одни жители уезда отказывались выполнять распоряжения властей, не желая разгрома повстанцев, другие, поступая таким же образом, страшились мести со стороны последних. Должно быть, бургомистры не стали бы чинить «остановку розыскному делу» в том случае, если бы в уезде действовали случайные и малочисленные группы.

Отряды Старцева и «его товарищев» захватили некоторые большие торговые села на Волге, где проводились межобластные ярмарки. В Луховском уезде таким было село Семеновское. «И в то село Семеновское славной вор Гаврило Иванов сын Старченок с товарищи многолюдством человек по пятидесяти и больше с ружьем, приходя живут. А поймать себя те воры многоогненным ружьем не дают и на помиме погонных людей из ружья побивают до смерти»¹⁷, — сообщал луховской воевода И. Костюрин в мае 1710 года. Луховскому воеводе было приказано, «взяв с собою в Луху городовых дворян и детей боярских и иных служилых людей и грацских жителей, сколько человек возможно, ехать в Луховский уезд для поимки того вора. А буде он, вор с товарищи объявитца Московской и иных губерний в городех и ему, воеводе, о том писать, а в городы Московской губернии к воеводам с нарочными посыльщиками извещать тотчас же»¹⁸.

Стряпчий дворцовой Юмохонской волости С. Мальцев писал: «И от них де, воров, из Решемской слободы ис Юмохонской во-

лости на торги торговые люди ездить не смеют. А в Юмохонской волости разоряют вору и разбойники многие вотчины»¹⁹. Между 10-ми и 20-ми числами мая повстанцы Старцева захватили и потопили государственные и торговые суда. «Как съехался вор Гаврила Старченок с воров же Гараской Павловым на Волге-реке на острову Круглом и с ним де, Гараскою, он, Старченок,плыли» «с товарищи девяносто три человека в струшку чардашном крашеном, да в четырех лотках с пушками²⁰ и со всяким огненным ружьем, и с шпаги, и с копы, и с знамены». Однажды они остановили струг с «государевыми полковыми припасы», плывший от Кинешмы. Забрав боеприпасы и четыре чугунные пушки. Старцев и Павлов поплыли к Костроме. Как позже показал драгун И. С. Батюшков, сопровождавший этот струг, «говорили де, они, вору, великие похвальные слова — есть де у них товарищев человек с триста, а как зберутца все и мы де станем и города разорять. И скажите де в Нижнем и в Казани — полковые припасы побрали Гаврюшка Старченок с товарищи»²¹.

20 мая 1710 г. отряд Старцева подошел к пригороду Костромы Кадыю. Вскоре сюда прибыл карательный отряд Вяземского. Бой между повстанцами и солдатами продолжался несколько часов. Вот как его описывает Вяземский: «И на том бою ево, Старченка с товарищи, я с солдаты ранили в том пригородке, а товарищев ево многих ранили и побили. И усмотря он, Старченок, изнеможение свое с остальными товарищи побежал розно в леса. А на том бою побили их, воров, до смерти десять человек, а которые ранены и те ушли с ним, Старченком, в леса». Каратели в том бою тоже потеряли 10 человек, так что утверждение Вяземского, что Старцев «побежал розно» — явное преувеличение, сделанное для того, чтобы не получить нагоняя от начальства за «блестящую победу». В бою был захвачен раненным беглым солдат Алексей Иванов, бывший галицкий крестьянин кн. Я. С. Львова из дер. Петрилово. Он показал, что повстанцы сожгли поместья Я. Ф. Чичагова и А. Н. Волгина. В бою у Кадыя участвовало около 60 человек, в большинстве — беглые солдаты и

¹⁶ Там же, ф. 210, Р. в. 56, д. 9, лл. 37—38; Р. в. 54, д. 15, лл. 471—472.

¹⁷ Там же, Р. в. 56, д. 9, лл. 22—23, 30—30 об.

¹⁸ Там же, лл. 31—31 об.

¹⁹ Там же, лл. 45—45 об.

²⁰ У Старцева «на струшку» были четыре медных пушки.

²¹ ЦГАДА, ф. 210, Р. в. 56, д. 9, лл. 13—14 об., 18—21 об., 46—48.

рекруты²². Повстанцы ушли после этого в Нижегородский уезд²³.

Для ускорения разгрома крестьянских отрядов Вяземский мобилизовал всех костромских отставных и городской службы дворян и детей боярских — 294 человека. Нижегородский воевода И. Леонтьев «для поимки того вора Гаврюшки Старченка с товарищи посылает из Нижнево офицеров с солдаты до Балахны и до Юрьевца Повольскова и до иных городов»²⁴. Правительство требовало объединить усилия ка-

рательных команд: «А буде он, князь Григорий (Вяземский.— *О. Р.*) с посланными Нижнева Нова Города от Ивана Леонтьева служилыми людьми, которые посыла ны для поимки тех же воров (Г. Старцева «с товарищи».— *О. Р.*), где случатца. и им о поимке тех воров чинить по согласию меж собою вопче по тому ж со всяким радением»²⁵.

О последующих событиях сведений нет. Найденный нами документ гласит, что глубокой осенью 1710 г. Старцев находился в Казани, в местной тюрьме²⁶. Дальнейшая его судьба неизвестна.

О. М. Ронский

²² Там же, лл. 9—12, 15—17; Р. в. 54, д. 23, лл. 333—334 об.

²³ Там же, Р. в. 56, д. 9, лл. 52—52 об.

²⁴ Там же, лл. 13—17.

²⁵ Там же, лл. 18—21.

²⁶ Там же, лл. 52 об.—54.